лось недостаточно, он решил перенести целиком сюжет этого стихотворения Анакреона в иную сферу жизни:

Что ветры мне и сине море?
Что гром и шторм и океан?
Где ужасы и где тут горе,
Когда в руках с вином стакан?
Спасет ли нас компас, руль, снасти?
Нет! сила в том, чтоб дух пылал.
Я пью и не боюсь напасти:
Приди хотя девятый вал!
Приди, и волн зияй утроба!
Мне лучше пьяным утонуть,
Чем трезвым доживать до гроба
И с плачем плыть в толь дальний путь.

(II, 281)

И жизнь, о которой говорится в «Мореходце», уже очень близка к жизни самого поэта и его окружающих, в ней есть черты русского быта, уже и до Державина обильно представленные в русской поэзии, но в жанрах сатирических, баснях Сумарокова и Хемницера, в поэмах Майкова и Богдановича.

Впервые действительно русский поэт — и этим поэтом был Державин — заговорил в своих стихах о русской пляске, русской природе, русском помещике и русских крестьянах. Так. одно из лучших стихотворений Державина в его сборнике «Анакреонтических песен» содержит в себе приглашение Анакреону полюбоваться пляской молодых русских крестьянок:

Зрел ли ты, певец тиисский,
Как в лугу весной бычка
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка.

А вслед за приглашением следует описание русского народного («простонародного» — как говорили в то время) танца, который в изображении Державина становится зрелищем, равноправным с любым явлением «настоящего» балетного искусства.

Танцующие девушки у Державина *изображены* в буквальном смысле; поэт не только рассказывает о них, но и показывает, воссоздает словом принятый у художников его времени способ изображения молодых лиц:

Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь.